

О.Н. Борох

Институт Дальнего Востока РАН, Москва

Китай в учении Кенэ: трактовки, переводы, культурные аспекты¹

Аннотация. В статье анализируется влияние Китая на учение французского физиократа Франсуа Кенэ с точки зрения культурных особенностей восприятия экономических и политических идей. Рассматривается специфика подходов китайских исследователей, обусловленная воздействием марксистской методологии, китаецентристских воззрений и фрагментарным использованием первоисточников. Применение теории общественно-экономических формаций породило в КНР рассуждения о том, что феодальное конфуцианство не могло повлиять на взгляды физиократов, отразившие зарождение капиталистических отношений. Продемонстрировано, что в XVIII в. оппоненты физиократов использовали сопоставление «Экономической таблицы» со схемой древнекитайской «Книги перемен» для дискредитации учения Ф. Кенэ. Впоследствии для китайских исследователей это сравнение стало подтверждением ценности «Экономической таблицы» и стимулом поиска в обеих схемах идей кругооборота и равновесия. Изучение содержания «Китайского деспотизма» Кенэ подтверждает связь книги с действительным историческим Китаем. Сделан вывод, что китайские исследования нацелены на истолкование исторического прецедента влияния конфуцианской мысли на учение Кенэ в контексте планов повышения глобального авторитета китайских общественных наук.

Ключевые слова: *французские физиократы, китайское влияние, формационный подход, «Китайский деспотизм», «Экономическая таблица», Кенэ.*

Классификация JEL: A12, B11, B24, B31.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-7

1. Введение

История влияния китайской культуры на воззрения французского физиократа XVIII в. Франсуа Кенэ продолжает вызывать интерес у исследователей. Тема не ограничивается трактовками работ Кенэ и поисками источников его информации о Китае. На протяжении столетия на Западе и в Китае формировались различные подходы к изучению этой проблемы.

В России знакомство с работой «Китайский деспотизм» Ф. Кенэ восходит к концу XIX в., когда в переводе вышла восьмая глава труда Кенэ (Кенэ, 1896, с. 26–68). Тогда же на русском издали книгу Г. Хиггса (Гиггс, 1899)², затронувшего тему сопоставления «Экономической таблицы» со схемой древнекитайской «Книги перемен». Собственные исследования китайской проблематики в учении физиократов в те времена созданы не были.

В 1920–1940-е годы на Западе появился ряд научных публикаций, поместивших проблему китайского влияния на Кенэ в контекст межкультурного взаимодействия. В большинстве случаев их авторами были востоковеды или специалисты в области гуманитарного знания.

¹ Автор признателен анонимным рецензентам за ценные критические замечания и полезные рекомендации.

² Здесь и далее в библиографических ссылках Гиггс соответствует современному написанию фамилии Хиггс (Higgs).

Этот этап можно назвать апологетическим, поскольку исследователи с похвалой оценивали опосредованный через физиократов китайский вклад в европейскую мысль без критического осмысления предпосылок этого воздействия.

Отечественные исследователи добились больших успехов в изучении экономического наследия физиократов (Физиократы..., 2008), оставив за скобками содержание «Китайского деспотизма» Кенэ. Возникшую лауну заполнили востоковеды. Они опирались на труды западных авторов первой половины XX в. и помещали китайское влияние на Кенэ в широкий контекст оценки воздействия Китая на идеологию европейского Просвещения (Фишман, 2003).

Задача целостной оценки китайского влияния на Кенэ оказалась непростой из-за ее междисциплинарности. Исследователям экономических взглядов Кенэ был неинтересен китайский историко-культурный пласт, тогда как востоковеды обходили стороной учение физиократов. В отечественной литературе тема китайского содержания «Китайского деспотизма» остается малоизученной: нет полного перевода текста, недостает его исторического и текстологического анализа, в научный оборот не введен черновик книги Кенэ (Quesnay, 2005, vol. 2, p. 1005–1114).

Понимание проблемы будет неполным без учета китайских исследований влияния Китая на учение Кенэ. Для китайских научных кругов этот вопрос является намного более актуальным и животрепещущим, чем для их зарубежных коллег. Это обусловлено включением данной темы в широкомасштабные усилия по обоснованию исторического вклада Китая в становление мировой экономической науки. Если китайское влияние на экономическое учение Кенэ будет доказано, это позволит заявить об опосредованном восприятии китайского интеллектуального импульса всеми, на кого повлиял Кенэ, включая А. Смита и К. Маркса. Прецедент проникновения китайских идей в Европу в XVIII в. стимулирует разработку современных планов продвижения во внешний мир «философии и общественных наук с китайской спецификой» в рамках официальной программы, которую руководитель Китая Си Цзиньпин выдвинул в 2016 г.

Китайские ученые опирались на труды западных сторонников китайского влияния на физиократов. Так, большой авторитет снискала книга А. Рейхвейна о культурных контактах между Китаем и Европой в XVIII в. (Reichwein, 1925). Китайский перевод ее фрагментов был опубликован в 1931 г. в ежемесячном журнале студентов Пекинского университета, в 1962 г. она была издана в Китае целиком (Рейхвейн, 1962).

Похвалы удостоилась работа Дж.Ф. Хадсона «Европа и Китай» (Hudson, 1931), признавшая глубокое воздействие китайской культуры на физиократов и критиковавшая западных экономистов за идейную предвзятость в этом вопросе. Была замечена книга М. Эйнауди «Учение физиократов о судебном контроле» (Einaudi, 1938), показавшая проис-

хождение фундаментальных политических идей физиократов из исследований китайского строя (Тань Минь, 2015, с. 279).

Наиболее представительными были признаны работы американского ученого Л.А. Мэверика, доказывавшего влияние Китая на физиократов (Maverick, 1938, 1940). Авторитетный китайский исследователь Тань Минь отметил, что они привлекли внимание Й. Шумпетера в «Истории экономического анализа»: «Упомянем также статью “Деспотизм в Китае” (Despotisme de la Chine), опубликованную в журнале *Éphémérides* в 1767 г. и вызвавшую полемику о китайском влиянии на физиократов. (Например, статья под таким заглавием была опубликована Л.А. Мэвериком в *Economic History, Supplement to the Economic Journal* (февраль 1938)» (Шумпетер, 2001, с. 289). Книга Мэверика «Китай: модель для Европы» (Maverick, 1946) впервые предоставила зарубежным исследователям доступный и понятный перевод «Китайского деспотизма» на английский язык.

Для китайских авторов периода реформ наличие ссылки на ту или иную публикацию в известных трудах западных историков экономической науки служило показателем ее научной весомости. Тань Минь обратил внимание на упоминание книги Мэверика в работе М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» в контексте поисков источника представлений Смита о Китае: «Странные идеи Адама Смита об экономическом развитии Китая (“Богатство народов”, книга IV, гл. 9) явно ведут свое происхождение от Кенэ, который был убежден, что в Китае имеет место деспотизм мандаринов, уважается сельское хозяйство и допускается естественный порядок вещей. По этому поводу см. замечательное исследование L.A. Maverick “China: A Model for Europe” (1946)» (Блауг, 1994, с. 30). Примечательно, что при переводе на китайский словосочетания «странные идеи» (“strange notions”) Тань Минь вместо «странности» подчеркнул их новизну и оригинальность (Тань Минь, 2015, с. 280).

Итоговая китайская оценка оказалась двойственной: западные труды о влиянии Китая на физиократов «демонстрируют тщательность в сборе и исследовании материалов об историческом фоне и трудах физиократов, однако есть сомнения, что анализ древних китайских экономических институтов и идей доходит до сути» (Тань Минь, 2015, с. 280).

Среди китайских исследователей первой половины XX в. глубже всех тему влияния Китая на европейскую экономическую науку разработал Ли Чжаои (Ly Siou Y, 1936). В написанной на французском языке диссертации он доказывал, что понятие естественных законов присутствовало в учениях основных школ древнекитайской мысли — конфуцианстве, даосизме и легизме, откуда его заимствовали физиократы. Однако эта работа, построенная на широком использовании европейской научной литературы, и даже само имя ее автора, остались в Китае неизвестными до конца XX в.

Признанным научным авторитетом был Тан Цинцзэн, опубликовавший в 1936 г. первое систематическое исследование истории древнекитайской экономической мысли. Заключительный раздел книги посвящен роли традиционных китайских идей в становлении западной экономической науки. Ученый полагал, что древнекитайская экономическая мысль «действительно имела значительное влияние в странах Запада, наиболее заметным было [влияние] на французских физиократов», оно «было намного более важным, чем учений Рима, идей христианства, Библии» (Тан Цинцзэн, 2010, с. 440).

Юань Сяньнэн в диссертации, защищенной в США в 1929 г., писал, что «теории физиократов были отмечены китайскими чертами» (Юань Сяньнэн, 2013, с. 11). Однако эта мысль не получила в его работе углубленного развития.

До образования КНР воздействие Китая на учение Кенэ исследовал культуролог Чжу Цяньчжи (Чжу Цяньчжи, 1940), критический взгляд на проблему предложил марксист Ван Янань (Ван Янань, 2011). Новый подъем исследований наступил в начальный период реформ в 1980–1990-е годы. Важную роль сыграли публикации У Баосаня (У Баосань, 2003), значительный вклад внес Тань Минь, опубликовавший исследовательскую монографию, ряд научных статей и полный перевод «Китайского деспотизма» (Тань Минь, 1992, 2015; Кенэ, 1992). В настоящее время на сцену выходит новое поколение китайских ученых, способных использовать источники на французском языке (Ма Ли, 2017).

В начале XXI в. западные ученые вновь обратились к изучению истории распространения китайских идей в Европе (Gerlach, 2019). Публикации Р. Ван ден Берга, А. Орэна, Г. Саббаха, С. Якобсена (Jacobsen, 2013, 2019; Orain, 2015; Sabbagh, 2020; Van den Berg, 2016, 2019) формируют новое критическое направление исследований, опирающееся на тщательное изучение французских первоисточников. Эти усилия нацелены на уточнение исторического контекста и содержательный анализ китайского влияния на Кенэ. Среди авторов публикаций есть специалисты по истории экономической мысли, в том числе по наследию физиократов.

У исследователей в Китае и на Западе – разные научные приоритеты. Западные авторы стремятся углубить понимание причин обращения физиократов к теме Китая и реконструировать французские дискуссии того времени. Китайских авторов эти тонкости интересуют мало, поскольку для них на первом месте находится тема влияния Китая на внешний мир. Они не пренебрегают первыми семью главами «Китайского деспотизма» и придают большое значение их содержанию, включая выявление эволюции созданного Кенэ образа Китая через сопоставление черновика работы с ее публикацией в журнале «Éphémérides du Citoyen» в 1767 г.

В статье предпринята попытка проанализировать специфику подходов китайских исследователей к проблеме воздействия древнеки-

тайской экономической мысли на Кенэ, показать их принципиальные отличия от западных публикаций, выявить истоки формирования этих особенностей. Для этого потребовалось реконструировать механизмы избирательного заимствования китайскими авторами положений западных научных публикаций и выявить, в какой степени ограниченность освоения первоисточников на французском языке повлияла на содержание китайских исследований.

Современные западные ученые демонстрируют интерес к анализу китайской аргументации. Препятствиями становятся небольшое число китайских исследований, переведенных на английский язык, и отсутствие должного внимания к воздействию на китайские трактовки нормативной идеологии марксизма. Данная статья опирается на изучение публикаций на китайском языке о влиянии Китая на Кенэ и учитывает идейно-теоретическую специфику китайских общественных наук.

В статье анализируются аспекты научного наследия Кенэ, которые, по мнению китайских исследователей, служат основными подтверждениями влияния Китая на учение французского экономиста. Поставлена задача выявить исторические истоки сопоставления «Экономической таблицы» и древнекитайской «Книги перемен», продемонстрировать глубокие различия в интерпретации этого сходства французскими критиками учения физиократов в XVIII столетии и современными китайскими авторами. Предпринята попытка оценить источники информации о политике, экономике и культуре Китая, использованные Кенэ при написании «Китайского деспотизма». Характеристика личности и творчества Кенэ в надгробной речи Мирабо рассматривается в контексте китайских исследований влияния Китая на физиократов.

2. Конфуцианство и «феодалная вывеска» взглядов Кенэ

Особенностью изучения истории экономической мысли в Китае является опора на марксизм. Фактор различия общественно-экономических формаций получает определяющее значение при оценке взаимодействия культур. Начиная с 1940-х годов китайские марксисты подчеркивают, что принадлежность идей к разным формациям означает невозможность прямого влияния старых воззрений на новые. С этой точки зрения феодальные идеи китайского конфуцианства не могли стать источником формирования учения физиократов, отразившего зарождение в Европе капиталистических отношений.

В 1946 г. экономист Ван Янань указал, что в «Китайском деспотизме» описана идеальная политическая система, позволяющая вывести из кризиса французское сельское хозяйство. Избегая прямой критики политического строя Франции и его негативного влияния на экономику, Кенэ, подобно китайским ученым прошлого, попытался «с опорой на древность изменить систему». Заявление о китайском про-

исхождении идей физиократов на основании увлечения Кенэ китайским деспотизмом Ван Янань считал «большой натяжкой». Созданная в начальный период развития капитализма теория физиократов «не имела отношения к древнекитайским идеям внимания к сельскому хозяйству», возникшим в отжившей феодальной формации (Ван Янань, 2011, с. 378). Поскольку Кенэ заботился о развитии капиталистического сельского хозяйства, его взгляды никак не могли быть связаны с традиционными китайскими идеями важности крестьянского труда.

Похожие рассуждения можно найти в советской марксистской экономической литературе 1920–1940-х годов. В.М. Штейн отмечал, что физиократы маскировали отраженные в их построениях актуальные жизненные проблемы «алгебраическими формулами, одинаково применимыми и к мифически разукрашенным их воображением идеальным государствам – Китаю и стране Инков – и к тяжело больному народохозяйственному организму родной им Франции» (Штейн, 1924, с. 37). Д.И. Розенберг писал: «Как Колумб не знал, что им открыт Новый Свет, а полагал, что он находится в том же Старом Свете и лишь подошел к азиатскому матерiku с противоположного берега, так и Кенэ не знал, что им исследуется новое, капиталистическое производство, думая, что это – то же, прежнее, производство, но нуждающееся в лечении, в лучшем случае в “омолаживании”» (Розенберг, 1940, с. 90).

Объединяющим элементом для советских и китайских экономистов послужили слова Маркса о том, что «этикетка системы взглядов» способна ввести в заблуждение не только покупателя, но и самого продавца: «Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому, как наши ученые-педанты верят в нее до сих пор» (Маркс, 1961, с. 405). В.С. Немчинов подчеркивал, что под «феодальной вывеской» физиократической системы буржуазное общество приобретало феодальную видимость» (Немчинов, 2008, с. 998).

Примечательную адаптацию этого тезиса создал Чжу Цяньчжи. В 1930-е годы он исследовал процесс влияния китайской мысли на Европу, а в 1950-е попытался приспособить свою концепцию к новым идеологическим требованиям. В переработанной книге Чжу Цяньчжи пояснил, что «феодальная вывеска» Кенэ, о которой упомянул Маркс, «несомненно, указывает на Конфуция» (Чжу Цяньчжи, 2006, с. 316). В первом варианте монографии этот вывод со ссылкой на Маркса отсутствовал (Чжу Цяньчжи, 1940, с. 287).

Однако подобная адаптация не дала ответа на фундаментальный вопрос о возможности влияния конфуцианства на физиократическую теорию нарождающегося капитализма. В конце 1980-х годов к теме внешнего сходства двух учений – конфуцианства и физиократов – при различии их сути обратился авторитетный экономист У Баосань, защитивший до образования КНР докторскую диссертацию по экономике в Гарварде. С опорой на марксизм он доказывал, что иллюзорный идеал просвещенной феодальной монархии Кенэ противоречил духу эпохи

и не соответствовал физиократической теории свободного обращения товаров и принципу *laissez-faire*. Социально-исторический анализ увенчался выводом, что в Европе быстро забыли «эфемерные» идеи Кенэ о просвещенном деспотизме и сельском хозяйстве как единственном источнике богатства. Ссылаясь на Шумпетера (Шумпетер, 2001, с. 294), У Баосань заключил, что на фоне подъема третьего сословия и победы учений свободы, равенства и братства мода на физиократию прошла, тогда же завершились отношения древнекитайской мысли с учением физиократов. «Идеи конфуцианцев – продукт натуральной экономики аграрного общества и патриархального феодального бюрократического строя, они отличны от системы идей товарной экономики и свободного демократического строя. Они не связаны с сутью теории Кенэ. Кенэ восхищался конфуцианскими идеями, они соответствовали внешнему облику его теоретической системы, но внешний облик его теоретической системы давно отброшен историческим прогрессом» (У Баосань, 2003, с. 191).

Оппонентом тезиса о невозможности влияния отсталого «феодального» Китая на воззрения физиократов стал Тань Минь. Ученый усомнился в том, что обращение Кенэ к культуре Древнего Китая было только маскировкой для критики французской монархии и содействия ее трансформации. По его мнению, на всех компонентах учения физиократов – естественном порядке, «Экономической таблице», принципе *laissez-faire*, внимании к сельскому хозяйству, на чистом продукте, едином земельном налоге – присутствовал «отпечаток китайских идей» (Тань Минь, 2015, с. 280).

Китайские авторы старались избежать как полного отрицания воздействия Китая на Кенэ, так и попыток представить древнекитайскую мысль в качестве единственного источника учения физиократов. У Баосань предложил исследовать основные компоненты этого учения по отдельности – идею естественного порядка, внимание к сельскому хозяйству и вклад в развитие экономического анализа (У Баосань, 2003, с. 167).

Ученый отметил, что истоки идей естественного порядка и внимания к сельскому хозяйству Кенэ следует искать в европейской научной традиции от Древней Греции и Рима до Средневековья и учения Фомы Аквинского. Физиократы лишь использовали китайские представления о Небесном пути для пропаганды собственных взглядов. Статье Кенэ «Анализ экономической таблицы» были предпосланы слова Сократа из сочинения древнегреческого историка Ксенофонта «*Oeconomicus*»: «Когда процветает земледелие, процветают и все другие искусства, если же земледелие приходит в упадок, то вместе с ним погибают и все прочие отрасли промышленной деятельности на суше и на море» (Онкен, 1908, с. 339). У Баосань напомнил, что у Кенэ была статья «Извлечения из “Королевской экономии” г-на де Сюлли». Известный государственный деятель Франции конца XVI – начала XVII в. герцог Сюлли называл земледелие и скотоводство двумя сосцами, питающими государство.

Из этого следовало, что взгляды Кенэ сформировались в европейском контексте, но сам он признавал соответствие китайских воззрений его позиции.

В традиционной китайской мысли не было прообразов новаторских для европейской экономической науки творческих разработок Кенэ, среди которых – анализ «чистого продукта», оборота совокупного общественного продукта и процесса воспроизводства. У Баосань подчеркнул, что именно эти идеи физиократов положили начало созданию «настоящей современной экономической науки» (У Баосань, 2003, с. 190).

Требовалось найти сбалансированный подход, позволяющий трактовать китайское влияние через призму соединения собственной научной традиции физиократов с пришедшими извне учениями. «Хотя доктрина физиократов появилась после широкого распространения во Франции древнекитайских научных идей, и физиократы, начиная с Кенэ, преклонялись перед древнекитайскими учениями и идеями, из этого нельзя сделать вывод о том, что экономическая доктрина физиократов появилась под влиянием китайских учений и идей... Но из этого также нельзя сделать вывод, что древнекитайские научные идеи не оказали никакого влияния на формирование экономической доктрины французских физиократов» (У Баосань, 2003, с. 190).

3. «Книга перемен» и «Экономическая таблица»: французская сатира

Современные китайские авторы часто упоминают о том, что первые сравнения «Экономической таблицы» Кенэ с классической китайской «Книгой перемен» («И цзин») появились во Франции во времена физиократов. Они опираются на два источника, в которых «И цзин» и «Экономическая таблица» упоминаются вместе. Впервые их сопоставил Н. Бодо в предисловии к первому номеру «*Éphémérides du Citoyen*» в январе 1767 г. Это – единственное известное сравнение «Таблицы» с «И цзин» представителем школы физиократов (Orain, 2015, p. 406).

Бодо заявил, что для объяснения «Экономической таблицы» потребуется несколько томов, как это потребовалось для объяснения 64 гексаграмм Фу Си (Baudeau, 2014, p. 270). Он провел аналогию между двумя схемами: «Единственная формула, менее загадочная, чем у создателя Китайской Империи, однако не менее плодотворная, нарисовала перед удивленными глазами принципы *общественного порядка*, или *политической философии*, представленные с помощью арифметики, которые видимы и верифицируемы одним взглядом» (Baudeau, 2014, p. 270).

Бодо отметил, что Кенэ, известный как Конфуций Европы, «уже нашел в первом ряду французской нации ревностных учеников, чьи труды, достойные плоды, произрастающие из его собственных, все больше и больше способствуют пониманию этого шедевра политического гения» (Baudeau, 2014, p. 270).

В работах китайских исследователей расширенный контекст цитаты отсутствует. Главным источником служит книга Чжу Цяньчжи, который опирался на китайский перевод книги Рейхвейна, где была приведена лишь одна фраза из предисловия Бодо (Reichwein, 1925, p. 109). В результате китайские авторы и их читатели лишены возможности оценить преувеличения Бодо, вызвавшие у современников сарказм и критическую отповедь в адрес физиократов.

Через четыре года после публикации предисловия Бодо параллель между «И цзином» и «Экономической таблицей» в 1771 г. провел один из самых яростных противников физиократов, юрист С.-Н.А. Линге. В китайских публикациях обычно приводят лишь короткий фрагмент из «Ответа современным докторам» Линге, позаимствованный из книги Хиггса: «Конфуций составил таблицу “И цзин”, из шестидесяти четырех терминов, также соединенных линиями, чтобы показать эволюцию элементов, а вашу “Экономическую таблицу” достаточно справедливо с ней сравнивают, но она составлена на триста лет позже. И то и другое одинаково непонятно» (Higgs, 2001, p. 79).

Однако у Хиггса можно найти продолжение данной цитаты, позволяющее понять, что отношение Линге к обеим схемам было резко отрицательным, а обращение к «И цзин» потребовалось для развенчания «Экономической таблицы» Кенэ. «Эта “Таблица” является оскорблением здравого смысла, разума и философии, с ее колонками цифр *чистого продукта*, всегда заканчивающимися нулем, поразительным символом плодов исследований любого простака, тщетно пытающегося понять ее» (Higgs, 2001, p. 79).

В китайских исследованиях эта часть цитаты, как правило, отсутствует. Упоминание о ней можно найти разве что в переработанном послереволюционном варианте книги Чжу Цяньчжи. Со ссылкой на Хиггса он писал, что Линге «сатирически» сравнил «Экономическую таблицу» с «И цзин» и, ради этого, напечатал их вместе (Чжу Цяньчжи, 2006, с. 316).

В русском издании книги Хиггса слова Линге выглядели так: «Конфуций начертил таблицу Yi-King – из 64 основных законов, также соединенных линиями» (Гиггс, 1899, с. 111). К данному переводу подходит образное выражение современного исследователя китайского влияния на физиократов Ван ден Берга – “Chinese whispers” (Van den Berg, 2019). Это английское название игры, известной в России как «испорченный телефон». Хиггс неточно передал слова Линге по-английски, заменив «образы» (figures) на «термины» (terms), которые потом были переведены на русский язык как «законы»; без пояснений читателю было неизвестно, что такое «таблица Yi-King». Впрочем, эти затруднения не мешали довести до читателя мысль о том, что для Линге «мистический жаргон» физиократов «представлялся шарлатанской бессмыслицей, которую они сами едва ли понимали» (Гиггс, 1899, с. 1).

Благодаря обращению к первоисточнику Линге современные исследователи смогли продемонстрировать неточность приведенной Хиггсом цитаты (Orain, 2015, p. 406). Линге утверждал, что физиократы хотели добиться более почтительного преклонения перед «Экономической таблицей», придав ей недостающего «счастливого лака древности». Ради этого они «в эмоциональном порыве сравнили ее с “И цзин”, с объяснением, которые дал Конфуций загадочным символам, составляющим эту часть священного кода китайцев» (Linguet, 1771, p. 30).

Линге издевательски «поздравлял Европу с некоторым приближением к китайской мудрости». В этом поздравлении не было никакого позитивного смысла. Провозглашение «Экономической таблицы» «оскорблением здравого смысла» означало неприязнь к «странным иероглифам Конфуция» (Linguet, 1771, p. 14). Попытки сторонников Кенэ похвалить «Таблицу» за сходство с древними китайскими гексаграммами Линге назвал «генерированием европейского бреда», сопоставимого с «безумием азиатского комментария» (Linguet, 1771, p. 30–31).

Чтобы сделать критику более убедительной, Линге на вкладном листе большого формата воспроизвел рядом схему гексаграмм «И цзин» и «Экономическую таблицу» Кенэ. Источником китайской схемы послужила иллюстрация из второго тома «Описания Китайской Империи» миссионера Дю Альда (Du Halde, 1735, p. 289–291). Публикация двух таблиц на одном листе должна была убедить читателя в их визуальном сходстве и тем самым продемонстрировать несостоятельность творения Кенэ. Линге утверждал, что в обеих схемах главную роль играют линии: поперечные и пунктирные – в «И цзин», параллельные и сплошные – в «Экономической таблице». Помимо данного различия, «это – абсолютно одно и то же». «Доктор из Пекина» Конфуций увидел в сочетании этих линий тайну образования элементов и самые светлые принципы морали; «просвещенный из Парижа» Кенэ обнаружил между маленькими точками возрождение империй, тайну их благосостояния или их упадка (Linguet, 1771, p. 31). Линге полагал, что через сопоставление ему удалось разоблачить абсурдность попытки физиократов использовать китайскую схему, которая была создана тысячу лет назад за тысячи лье от Франции. «Может ли старая китайская экстравагантность сделать respectable современной европейскую экстравагантность, у которой нет другого достоинства, кроме как приблизиться к ней?» (Linguet, 1771, p. 31).

По мнению Линге, мистический и абсурдный характер «И цзин» не позволяет рассматривать его как надежный фундамент для теорий XVIII в. Он призывал соотечественников «при обращении к разумным людям уважать разум», «не пренебрегать здравым смыслом», давать оценку «своими глазами и умом», подчеркивая, что «иероглифы используются для развлечения детей, и что они воздействуют на дураков

своими знаками без предметов» (Linguet, 1771, p. 32). Современные исследователи поясняют, что, с точки зрения Линге, «Экономическая таблица» Кенэ использовала те же «иероглифы», что и гексаграммы, — в обоих случаях они не служили отсылкой к реальности и не означали ничего вразумительного, а их смысл утерян навсегда: «Если сами гексаграммы были “знаками без объектов”, мистической чепухой, годной только для “дураков”, почему “Таблица” должна быть чем-то другим?» (Orain, 2015, p. 414).

Предложенное Бодо сравнение между «И цзин» и «Экономической таблицей» дало Линге повод использовать эту аналогию против самих физиократов. Современные европейские авторы указывают, что критики использовали издевку в качестве «литературного оружия» для культурной дискредитации физиократов (Orain, 2015). Гипертрофированное подчеркивание таинственности и загадочности «Экономической таблицы» было в руках оппонентов инструментом критики Кенэ (Van den Berg, 2002, p. 297–298).

Публикация Линге продемонстрировала высокую степень доступности для французской интеллигенции того времени достоверных материалов о китайской культуре. Использованная для критики физиократов схема гексаграмм «И цзин» была аутентичной, в ее основе находился китайский первоисточник. Внешнее сходство двух «бесмысленных» рисунков оставляло место для поиска следов влияния более древней китайской схемы на «Экономическую таблицу» Кенэ. Китайские авторы обычно ограничиваются констатацией того факта, что как сторонники физиократов, так и их противники проводили аналогию между гексаграммами «И цзин» и «Экономической таблицей», а также указанием на обнаруженную европейцами общность мистического характера схемы «И цзин» с «Таблицей» Кенэ.

4. «Экономическая таблица» и «Книга перемен»: китайская интерпретация

Китайские исследователи утверждают, что между «Книгой перемен» и «Экономической таблицей» Кенэ «существует определенная внутренняя связь», которая опирается на исторические факты (Тань Минь, 2015, с. 192). В XVII–XVIII вв. прибывшие в Китай европейские католические миссионеры создавали библейские интерпретации «И цзин» и других классических текстов для обоснования присутствия в них «изначальной религии». Эти рассуждения вместе со знаниями о китайских гексаграммах вызвали в Европе исследовательский интерес во времена, когда Кенэ занимался составлением «Экономической таблицы».

Кенэ действительно знал об этой книге. В «Китайском деспотизме» при перечислении пяти китайских классических канонических текстов он поставил «Книгу перемен» на первое место: «Конфуций разгадал загадочные линии “И цзин” и труды комментаторов, он узнал из них тайны

большой важности для управления государствами и извлек прекрасные инструкции по политике и морали, которые с его времени стали основой китайской науки. Образованные люди испытывают глубокое уважение к этой книге, а Фу Си, которого они рассматривают как ее автора, слывет отцом наук и хорошего правления» (Quesnay, 1888, p. 590).

Этот фрагмент дословно совпадает с характеристикой «И цзин» в книге «Интересная и занимательная всячина» («*Mélanges intéressants et curieux*», 1763–1765) в десяти томах Ж.Ф. Руссло де Сюржи. Однако в ней присутствовала еще одна фраза: «Несмотря на комментарии, “И цзин” по-прежнему наполнен непроглядной тьмой, которая стала поводом для бесконечного числа ошибок и суеверных мнений; и отсюда она была названа книгой глупцов» (Rousselot de Surgy, 2013, p. 214–215). Эту негативную характеристику «Книги перемен» Кенэ заимствовать не стал.

Кенэ писал о мифическом древнем правителе Фу Си не только как о хорошем законодателе, но и как о глубоком математике и авторе многих изобретений (Quesnay, 1888, p. 567). По мнению Тань Миня, из этих строк можно увидеть уважительное отношение Кенэ к «И цзин» и ее предполагаемому создателю Фу Си, а также признание заслуг Конфуция в разгадке тайны «И цзин». «Экономическая таблица» искусно перевела китайское учение в математическую формулу и смогла с помощью очень малого числа цифр четко объяснить экономические принципы, «подобно тому, как 64 гексаграммы Фу Си позволили четко объяснить суть философии». Переложения цитат Бодо и Линге у Рейхвейна и Хиггса позволили китайскому исследователю заключить, что «эти высказывания дают нам ценную идейную нить для углубленного изучения внутренней связи между “Экономической таблицей” и “И цзин”» (Тань Минь, 2015, с. 193–194).

Тань Минь отметил, что в глазах западных ученых «Экономическая таблица» Кенэ и «И цзин» выглядели сложными для понимания и таинственными. Маркс и Энгельс сравнивали «Таблицу» с «загадкой сфинкса» и называли метод Кенэ «туманным». Образ «Экономической таблицы» был таким же мистическим, как и «Книги перемен», и это позволяет поставить новый вопрос о наличии связи между таинственностью «Таблицы» и «И цзин», а также о том, нашел ли Кенэ в мистике «И цзин» содержание, представляющее ценность при составлении «Таблицы» (Тань Минь, 2015, с. 194).

По мнению Тань Миня, у «И цзин» есть две особенности, которыми мог воспользоваться Кенэ при работе над «Таблицей».

Основная идея «И цзин» состоит в признании существования универсальных законов природы и человеческого общества. Сходным образом Кенэ стремился понять законы естественного порядка. Согласно «И цзин» овладение универсальными законами позволяет с помощью простых методов решать сложные вопросы, достигнуть простоты и ухватить суть изменений вещей («Комментарий привя-

занных слов Сицы чжуань». Первая часть. Параграф 2). Составители «И цзин» исходили из того, что смысл сложных идей трудно в полной мере выразить словами, и потому использовали гексаграммы. Цель «Экономической таблицы» также состояла в постижении общего облика сложных изменений. Кенэ полагал, что результат его исследований невозможно четко представить с помощью одних лишь букв, поэтому было необходимо нарисовать «Таблицу» (Quesnay, 1888, p. 306).

Таким образом, в «И цзин» и в «Экономической таблице» не только сделан акцент на объективных законах изменения вещей, но и используются абстрактные образы для их описания (Тань Минь, 2015, с. 197).

Вторым аспектом, объединяющим «И цзин» с «Экономической таблицей», является принцип равновесия. В примитивной первоначальной форме он присутствует в «Книге перемен». Кроме того, в «Таблице» содержится идея кругооборота, которую можно найти в гексаграммах «И цзин» (например, «тай» – расцвет, «фу» – возврат) и в графическом изображении начал инь и ян. Следовательно, нельзя исключать, что, наряду с западными источниками, идея кругооборота Кенэ была связана с древнекитайскими представлениями. «Таблица» Кенэ и «Книга перемен» представляли, с точки зрения китайского исследователя, общую картину изменений. Этим они отличались от трудов древнегреческих мыслителей, исследовавших отдельные элементы, из которых состоит мир (Тань Минь, 2015, с. 199–202).

Тань Минь заключил, что внимание современников Кенэ к вопросу об истоках «Экономической таблицы» на фоне распространения «И цзин» на Западе не было случайностью, а влияние китайских идей действительно существовало. «К тому же, как следует из анализа этого влияния, оно не ограничивалось поверхностным или внешним контактом, а глубоко проникло внутрь теоретической системы “Экономической таблицы” и стало важной составной частью ее идейных источников» (Тань Минь, 2015, с. 206).

В подтверждение Тань Минь процитировал «признанного на Западе авторитета по изучению физиократов» А. Онкена, назвавшего заслугу Кенэ по составлению «Экономической таблицы» «завершением дела Конфуция». При этом китайский исследователь сослался не на Онкена, а на книгу Чжу Цяньчжи, который не указал источника этого высказывания (Чжу Цяньчжи, 2006, с. 316). Тань Минь заявил, что «Конфуций Европы» Кенэ при составлении «Экономической таблицы» сохранил европейские традиции, однако некоторые его основные концепции пришли с Востока. «Рождение “Экономической таблицы” было не просто продуктом следования западным традиционным идеям, она также умело впитала полезные элементы из привнесенного в те годы извне учения “И цзин”, это новая квинтэссенция соединения китайского и западного» (Тань Минь, 2015, с. 206).

В отличие от Линге и его единомышленников китайские ученые не воспринимают гексаграммы как бессмысленные «знаки без объектов», как разрозненные «поперечные» и «пунктирные» линии. Статья Тань Миня о возможной связи «И цзин» с «Экономической таблицей» опубликована в КНР в специализированном журнале «Чжоу и яньцзю» («Исследование “И цзин”»). В помещенных рядом гексаграммах «И цзин» и «Экономической таблицы» китайский наблюдатель видит общие для обеих схем идеи кругооборота и равновесия. Исходная культурная предпосылка ценности древнекитайской классики приводит его к выводу об интеллектуальной значимости «Экономической таблицы», а не о ее «безумии».

Тань Минь не стал полемизировать с Линге, увидевшим связь двух таблиц, но истолковавшим эту связь в негативном ключе. При этом китайский исследователь осудил процитированное Хиггсом критическое мнение А. де Токвиля, согласно которому аналогия с Китаем так сильно подействовала на физиократов, что те с энтузиазмом отнеслись к «глупой и варварской» (*imbécile et barbare*) власти Поднебесной (Higgs, 2001, p. 75). По мнению Тань Миня, эти слова показывают «не столько степень глубины китайского влияния на физиократов, сколько пренебрежительное отношение к этому влиянию и насмешку над ним» (Тань Минь, 2015, с. 177).

По мнению Чжу Цяньчжи, поскольку, согласно Рейхвейну, Кенэ часто соприкасался с китайской философией и культурой (Reichwein, 1925, p. 102–103), «его известное произведение “Экономическая таблица” также, несомненно, стало квинтэссенцией китайской культуры, бесспорно, подверглось влиянию китайского натурализма», заложив основы для нового этапа в развитии европейской экономической науки (Чжу Цяньчжи, 1940, с. 288).

В переработанной книге Чжу Цяньчжи отметил, что влияние китайской философии на Кенэ не ограничивалось сходством между «И цзин» и «Экономической таблицей». Он предположил, что при формулировке своих «Максим» Кенэ использовал способ выражения, напоминающий афоризмы Конфуция в «Лунь юй» (Чжу Цяньчжи, 2006, с. 317). В использованной Кенэ книге Руссло де Сюржи конфуцианские поучения действительно были представлены в виде семи максим с пояснениями (Rousselot de Surgy, 2013, p. 146–150).

Ранее упоминание о «максимах» Конфуция можно найти в изданном в 1696–1697 гг. сочинении французского иезуита Л. Ле Конта «Новые сообщения о современном состоянии Китая» (Le Comte, 2013, p. 220–230). Там были приведены 14 максим, взятые из книги неназванного высокопоставленного чиновника Китайской Империи. В целом они соответствовали духу конфуцианской традиции, однако канонических изречений Конфуция там не было. Можно предположить, что Ле Конт попробовал представить европейскому читателю китайские моральные поучения в жанре максим, ставшем широко известным

после публикации сборника Ларошфуко (La Rochefoucauld, 1675). Из сочинения Ле Конта часть максим в измененном виде заимствовал Руссло де Сюржи, а оттуда они попали в черновик «Китайского деспотизма» Кенэ (Quesnay, 2005, р. 1067–1070). Через несколько столетий попытка Кенэ изложить экономическую политику земледельческого государства в жанре максим (Физиократы..., 2008, с. 407–435) была воспринята китайскими учеными как влияние афористичного стиля Конфуция.

5. «Китайский деспотизм»: переводы и исследования

Главным доказательством влияния Китая на физиократов служит работа Кенэ «Китайский деспотизм». Китайские исследователи пытаются понять, почему основатель школы физиократов заинтересовался Китаем и зачем он изложил свои воззрения в форме отдельного произведения о Китае. Если Кенэ избрал в качестве специального предмета исследования Китай, повлияла ли на Кенэ и его теоретическую систему традиционная китайская культура? Оказала ли она воздействие через Кенэ на формирование и развитие классической буржуазной политической экономии? (Тань Минь, 2015, с. 176).

Тань Минь отметил, что «Китайский деспотизм» не получил такого широкого распространения, как другие труды Кенэ. Полный текст работы вошел в сочинения Кенэ, которые составил швейцарский экономист Онкен (Quesnay, 1888, р. 564–660). В 1958 г. в двухтомник «Франсуа Кенэ и физиократия» (Einaudi et al., 1958), изданный к 200-летию «Экономической таблицы», была включена только восьмая глава «Китайского деспотизма». Остальные семь глав составители сочли не представляющими интереса. Единственный полный перевод текста на английский язык выполнил Мэверик (Maverick, 1946).

В Китае в 1959 г. на основании английского текста Мэверика были переведены предисловие, первый вводный параграф первой главы и восьмая глава «Китайского деспотизма», при переводе частично использовался классический китайский язык вэньянь. Они вошли в сборник «Государства Европы в XVII и XVIII вв.» (1962 г.), в 1968 г. был подготовлен новый исправленный перевод этих фрагментов.

Первое собрание экономических произведений Кенэ на китайском языке было опубликовано в 1981 г. в серии переводов зарубежной экономической литературы. Издание стало ответом на возросшую потребность в знании зарубежной экономической теории в начальный период политики реформ.

Работу над переводом возглавил профессор экономического факультета Фуданьского университета У Фэйдань, владевший английским, французским, немецким, японским и русским языками. Собрание экономических сочинений Кенэ готовили в спешке. В предисловии У Фэйдань признал, что из-за невозможности немедленно найти французский первоисточник сборник составили на основании японских

переводов Кенэ, а также избранных экономических произведений Кенэ на русском языке (Кенэ, 1981, с. 25).

Советская экономическая наука глубоко воздействовала на Китай в 1950–1960-е годы на фоне широкого овладения представителями научного сообщества русским языком. Перевод «Китайского деспотизма» был выполнен по советскому изданию «Избранных экономических сочинений» Кенэ 1960 г. Как и в этом издании, в китайском собрании была опубликована лишь восьмая глава.

Восьмую главу «Китайского деспотизма» впервые перевели в России в конце XIX в. В предисловии отмечалось: «Знаменитый основатель физиократии принадлежит к числу очень трудных для перевода писателей: длинные, тяжеловесные периоды его с трудом укладываются в русскую речь» (Кенэ, 1896, от редакции, с. II). В 1960 г. этот перевод вошел в советское издание трудов Кенэ с комментарием, который был дословно воспроизведен в «Избранных экономических сочинениях Кенэ» 1981 г. на китайском языке: «Это сочинение, конечно, нельзя рассматривать как исторический труд. Китай являлся для Кенэ лишь удобным способом изложения своих идей, который никак не связывает его с действительным Китаем» (Кенэ, 1960, с. 550; Кенэ, 1981, с. 395).

В советской академической традиции этот акцент был устойчивым и последовательным. В сокращенном виде данный тезис был повторен четверть века спустя: «Работу “Китайский деспотизм” нельзя считать историческим трудом. В ней излагались идеи, не связанные с китайской действительностью» (Всемирная история, 1987, с. 447, примечание 1).

Такая характеристика может подойти для восьмой главы «Китайского деспотизма», хотя даже в ней в параграфе 20, содержащем в кратком виде теорию «чистого продукта», есть ссылки на китайский опыт. Данный подход невозможно распространить на содержание глав с первой по седьмую, в которых Кенэ подробно рассказывал о Китае, его политической системе, законах, финансовой организации, классических текстах и т.д. В примечании переводчика к изданию на китайском языке восьмой главы «Китайского деспотизма» для справки были даны названия всех глав и параграфов этой работы (Кенэ, 1981, с. 395, сноска 2). В советских «Избранных экономических сочинениях» этой информации не было.

Китайские исследователи не приняли советскую трактовку «выдуманного» Китая в учении Кенэ. Тань Минь отметил, что тезис об отсутствии связи содержания «Китайского деспотизма» с реальной ситуацией в Китае «полностью исключил возможность влияния Китая на идеи Кенэ, стал свидетельством полного неведения советских ученых относительно результатов исследований данной темы» (Тань Минь, 2015, с. 184).

При написании «Китайского деспотизма» Кенэ использовал чужие работы о Китае, историческое содержание которых было тесно

связано с китайской реальностью. Выявление источников знаний Кенэ о Китае и оценка их объективности стали важной исследовательской задачей.

В трудах современных западных и китайских ученых показано, что многие фрагменты «Китайского деспотизма» заимствованы из книги Руссло де Сюржи «Интересная и занимательная всячина» (Sabbagh, 2020; Ма Ли, 2017). Во вступительном параграфе первой главы книги Кенэ перечислил основные источники, на которые он опирался. К ним относятся не только «Описание Китайской Империи» Дю Альда, но и труды многих путешественников, писавших о Китае, о которых иезуит Дю Альд не упоминал. Это — Марко Поло, Эммануэль Пинто, испанский доминиканский миссионер Наваретте, голландские путешественники, Джемелли Карери, Лоренц Ланге, отправленный царем Петром к императору Китая, Лежантиль, Избрант Идес, адмирал Ансон и многие другие (Quesnay, 1888, p. 566). Это перечисление имен Кенэ заимствовал у Руссло де Сюржи (Van den Berg, 2019).

Ведущие китайские исследователи никогда не сомневались в том, что в «Китайском деспотизме» Кенэ писал о Китае. Тан Цинцзэн обращал внимание, что материалы в этой книге взяты из китайской мысли (Тан Цинцзэн, 2010, с. 438). У Баосань писал: «Исследование Кенэ истории Китая было в высшей степени строгим, он пытался найти конечные причины и закономерности долговременного процветания этой империи» (У Баосань, 2003, с. 182).

В 1992 г. был опубликован полный перевод «Китайского деспотизма» на китайский язык (Кенэ, 1992), переизданный в 2018 г. Его выполнил Тань Минь по английскому переводу Мэверика (Maverick, 1946). Название труда Кенэ было переведено как «Система деспотизма Китайской Империи». Как пояснил Тань Минь, это было сделано, «чтобы избежать ошибочного понимания» (Кенэ, 1992, с. i). Публикация полного перевода «Китайского деспотизма» позволила китайским исследователям истории экономической мысли составить собственное представление о степени влияния китайской традиционной культуры на физиократов.

В 1990-е годы книгу Кенэ изучали и переводили в КНР без опоры на французский язык и французскую литературу XVIII в. Задача исторического и текстологического анализа «Китайского деспотизма» легла на плечи следующего поколения исследователей. Это стало возможным также благодаря публикации в 2005 г. во Франции полного собрания экономических сочинений Кенэ в двух томах (Quesnay, 2005). В него вошел обнаруженный в Музее и Библиотеке Хагли первый вариант «Китайского деспотизма», отличный от текста, опубликованного в журнале «Éphémérides du citoyen». В новом собрании сочинений Кенэ «Китайский деспотизм» впервые опубликован на основе рукописи.

Публикация черновика «Китайского деспотизма» вызвала интерес у европейских и китайских ученых. Сопоставление двух вариан-

тов книги позволило уточнить круг источников, на которые опирался Кенэ, и проследить, какие изменения он внес при подготовке работы к изданию (Sabbagh, 2020; Van den Berg, 2019; Ма Ли, 2017).

В статье Ма Ли была предпринята попытка уяснить мотивы, побудившие Кенэ написать труд, целиком посвященный Китаю, проанализировать истоки его знаний о Китае, исследовать образ китайского правительства в работе Кенэ. Она отметила, что выбор источников для написания «Китайского деспотизма» отличался от многих французских мыслителей того времени, опиравшихся на труды миссионеров. Кенэ предпочел очерки Руссло де Сюржи потому, что они были более современными, а их содержание отличалось от миссионерских публикаций. Как писал в предисловии о своем методе сам Руссло де Сюржи, он стремился собрать и сопоставить разные описания, сравнить имеющиеся донесения и свидетельства, убрать недостоверные и противоречащие друг другу факты (Rousselot de Surgy, 1766, p. ix–x).

Во вводной части восьмой главы «Китайского деспотизма» Кенэ подчеркивал, что рассказы, на которые он опирался при описании Китая, «заслуживают благодаря своему единогласию полного доверия» (Физиократы..., 2008, с. 459). В случае необходимости для объективности к описаниям миссионеров Руссло де Сюржи добавлял записи путешественников и свидетельства людей разного социального статуса.

Другой возможной причиной обращения Кенэ к этим очеркам могло стать отношение Русло де Сюржи к китайскому императору «скорее не как к абсолютному деспоту, а как к монарху, обладающему очень широкой, но ограниченной законами, властью» (Rousselot de Surgy, 2013, p. 271–272). По мнению Ма Ли, эта оценка совпадала с представлениями о китайском императоре самого Кенэ (Ма Ли, 2017, с. 14).

В «Китайском деспотизме» Кенэ сгруппировал интересовавшие его отрывки из этой книги, добавил свои оценки или внес в текст небольшие изменения. Сравнение черновика с опубликованным вариантом позволило проследить, как французский экономист убирал негативные суждения о Китае и последовательно улучшал образ Китая, демонстрируя читателю привлекательный облик китайской государственной власти (Ма Ли, 2017, с. 15).

Ма Ли признает, что восьмая глава «Китайского деспотизма» по праву считается самой важной, в нее вошли основные оригинальные суждения Кенэ. В то же время в ней содержится меньше всего информации о Китае. Сравнение разных вариантов текста показывает, что главное различие состоит в последовательности глав. В черновике заключительная, восьмая, глава книги находится в самом начале – после предисловия.

Составители нового издания сочинений Кенэ, ссылаясь на черновик «Китайского деспотизма», подчеркивают первичность текста, который впоследствии стал восьмой главой книги. В обоснование этой точки зрения они указывают, что данный текст не содержит паги-

нации, как остальные части книги, в нем меньше говорится о Китае. На этом основании высказывается предположение, что восьмая глава была написана независимо от остальных частей книги и представляла собой общий текст о теории хорошего правления (Quesnay, 2005, vol. 2, p. 1008).

Ма Ли предлагает иную трактовку разницы в последовательности изложения материала в черновике и журнальном варианте «Китайского деспотизма». По ее мнению, хотя восьмая глава озаглавлена «Сравнение китайских законов с естественными принципами, лежащими в основе процветающих правительств», в ней крайне мало сравнений, а основное внимание сосредоточено на изложении естественных конституирующих принципов.

В черновике «Китайского деспотизма» идущий вслед за предисловием текст, ставший впоследствии восьмой главой, озаглавлен «Предварительные замечания. Естественные конституции управления империями». После него следует первая глава «О Китае». Это создает впечатление, что первоначальный замысел Кенэ состоял в исследовании систем правления многих стран и Китай был его первой целью.

При написании черновика Кенэ строго следовал книге Руссо де Сюржи и сохранял некоторые оценки, негативно характеризующие образ Китая. Согласно гипотезе Ма Ли, поскольку обзорное сравнительное исследование не было создано, Кенэ удалил отрицательные суждения о Китае при подготовке текста к публикации. Кенэ стремился понять, какие принципы государственного управления могут обеспечить процветание и стабильность. Он считал, что долговременное процветание может быть достигнуто, если власть будет соблюдать естественные законы. «Чтобы доказать, что такие законы и такая власть действительно существуют, он не мог ограничиться только лишь “систематическим и подробным изложением” теоретической модели и разнообразных форм правления, ему нужно было предложить представительный образец, и выбор Китайской Империи в качестве такого образца был вовсе не случайным» (Ма Ли, 2017, с. 18). В глазах Кенэ особенностями идеального государства были абсолютный монарх, который не является тираническим деспотом, развитое сельское хозяйство, многочисленное население. Все эти черты были присущи Китаю, поэтому идеализированный образ Китайской Империи стал для Кенэ конкретным примером (Ма Ли, 2017, с. 18).

6. Конфуций и Кенэ в надгробной речи Мирабо

После кончины Кенэ единомышленники сопоставляли мыслителя с Конфуцием. Аргументом в пользу влияния Китая на физиократов для китайских исследователей служит надгробная речь ученика Кенэ – маркиза Мирабо. На похоронах Кенэ в декабре 1774 г. он процитировал фрагмент из «Описания Китайской Империи» Дю Альда о Конфуции: «Все учение Конфуция стремилось вернуть человеческой природе

тот первый блеск и ту первую красоту, которые она получила с Небес и которые были омрачены мраком невежества и заразой пороков. Для достижения этой цели он советовал повиноваться Господу Небесному, почитать его и бояться его, любить ближнего как самого себя, побеждать свои склонности, никогда не принимать свои страсти за правило поведения, подчинять их разуму, прислушиваться к нему во всем, не делать, не говорить и не думать ничего, противного разуму» (Du Halde, 1735, p. 322).

После этого Мирабо перешел к описанию заслуг Кенэ: «К этой лучезарной радуге религиозной морали ничего нельзя было бы добавить, но главное состояло в том, чтобы закрепить ее на Земле: так поступил наш учитель, вытащив из чрева общей матери основу этого блестящего здания, ныне опирающегося на фундамент чистого продукта» (Quesnay, 1888, p. 9).

Проникновение этих цитат в китайский научный обиход сопровождалось искажениями и влияющими на смысл подменами. В первом дореволюционном варианте книги Чжу Цяньчжи данный фрагмент из речи Мирабо был процитирован не только по-китайски, но и по-английски по работе Рейхвейна (Reichwein, 1925, p. 104). У Рейхвейна говорилось о «тайне чистого продукта», однако в переводе на китайский «чистый продукт» был заменен на «Экономическую таблицу» (Чжу Цяньчжи, 1940, с. 286–287). Подмена была осмысленной и связанной с авторской концепцией, поскольку цитате предшествовала фраза о том, что Мирабо признал «Экономическую таблицу» Кенэ продолжением дела Конфуция (Чжу Цяньчжи, 1940, с. 286; 2006, с. 316).

В надгробной речи Мирабо сравнивал Кенэ не только с Конфуцием, но и с Сократом, который «принес этику с Небес», тогда как Кенэ «заставил ее дать ростки на Земле», обеспечив своей доктриной чистого продукта пропитание Человечеству (Quesnay, 1888, p. 8). Китайские авторы не упоминали об этом сопоставлении.

Для современников Мирабо не был идеалом оратора. Хиггс привел слова издавшего в XIX в. сочинения физиократов Э. Дэра, писавшего о «возмутительном многословии» и «странном стиле» Мирабо, у которого «растянутость и обилие образных выражений способны были отбить всякую охоту к изучению политической экономии» (Гиггс, 1899, с. 51). Не менее примечательны культурные предпочтения в отборе исторических сравнений из речи Мирабо. Хиггс процитировал только сравнение Кенэ с Сократом, пропустив уподобление Конфуцию (Гиггс, 1899, с. 37). Сходным образом одно лишь сравнение с Сократом вошло в лекции Л. Роббинса по истории экономической мысли (Роббинс, 2013, с. 143). Если китайцы хотят видеть в Кенэ европейского Конфуция, западные авторы готовы уподоблять его только Сократу.

Тань Минь цитировал Мирабо по китайскому переводу книги Рейхвейна, уникальные стилистические особенности которому при-

дал Чжу Цзецинь. Будучи глубоким знатоком китайских канонических книг, он частично использовал классический язык вэньянь, на котором были написаны древние конфуцианские памятники. В перевод речи Мирабо вошли узнаваемые конфуцианские моральные клише: «преодоление себя и возвращение к [ритуальной] благопристойности», призыв к «сдерживанию желаний с помощью принципа» (цит. по: (Тань Минь, 2015, с. 184–185)).

Стилизация под древнекитайский текст была оправданной, поскольку по сути это был обратный перевод. Мирабо заимствовал характеристики Конфуция из «Описания Китайской Империи» Дю Альда, который опирался на китайские источники. Побочным последствием стала чрезмерная китаизация речи Мирабо, порождающая у читателя преувеличенное ощущение глубокого проникновения физиократов в мир китайской культуры. Использование перевода Чжу Цзециня позволило Тань Миню заключить, что слова Мирабо «действительно очень похожи на прославление китайского неоконфуцианского наставника» (Тань Минь, 2015, с. 185).

7. Заключение

Сложное переплетение марксизма, националистических идей и возникших в процессе перевода недоразумений определили специфику китайских исследований воздействия Китая на учение Кенэ.

Китайской научной литературе долгое время было присуще недостаточно глубокое понимание нюансов европейских споров о теории физиократов XVIII в. Исключение казавшихся несущественными деталей создавало упрощенные трактовки и уводило в сторону от цели – всестороннего постижения влияния древнекитайской мысли на учение Кенэ.

Тема перевода сохраняет свою важность. Длительное время китайские авторы опирались не на французские оригиналы, а на их фрагментарные пересказы на других языках. Это не позволяло понять тонкости полемики вокруг учения физиократов, принять во внимание негативную подоплеку сопоставлений китайской схемы гексаграмм с «Экономической таблицей» Кенэ. Не менее значимым фактором было нежелание включать эти тонкости в исследования, нацеленные на обоснование китайского вклада в становление европейской экономической науки.

В Китае изучали и переводили труды Кенэ на основании имеющихся изданий на английском, японском, и даже русском, языках. Появившийся в конце XIX в. русский текст восьмой главы «Китайского деспотизма» к середине XX в. выглядел устаревшим. Переводчики стремились воспроизвести сложный стиль физиократов, но в результате в русском переводе китайская «модель» превратилась в «образец», эквивалента слова «институт» не нашлось, в текст вошла устаревшая фразеология. Свой опыт архаичного перевода создали китайские перевод-

чики, заставившие маркиза Мирабо говорить на классическом вэньяне, подобно образованному конфуцианцу.

Предложенное Линге визуальное сопоставление схемы «Книги перемен» с «Экономической таблицей» превратилось в интереснейший культурный эксперимент. Критик предполагал, что благодаря этому сравнению образованные европейцы, не понимающие смысла гексаграмм, сочтут «Таблицу» абсурдным произведением. Однако взгляд образованных китайцев, понимающих смысл схемы «Книги перемен», побудил их искать в «Экономической таблице» древнекитайские идеи кругооборота и стремления к равновесию. Ничего подобного Линге предвидеть не мог.

Возникший в прошлом столетии тезис о том, что «Китайский деспотизм» не имеет отношения к Китаю, явным образом не соответствует содержанию книги. Кенэ с упоминанием деталей и терминов рассказал о политике и культуре Китая. Этот рассказ не основан на самостоятельном изучении китайских книг, а был позаимствован из сочинения Руссло де Сюржи, что выводит на первый план тему отбора и компиляции материала. Однако вторичный характер работы нельзя отождествлять с отсутствием в ней информации о китайской реальности.

Исследованиям китайских авторов присущ узнаваемый китаецентристский оттенок, их интересует прежде всего влияние Китая на физиократов и воззрения Кенэ. Глубокое знание собственной культуры побуждает их искать и находить китайские влияния, о которых вряд ли подозревал сам Кенэ. Однако этот перекокс уравнивает слабый интерес западных авторов к поиску в учении Кенэ скрытых следов китайской культуры. Они подходят к его наследию с точки зрения внутренней логики развития западной экономической мысли.

Китайские исследователи постепенно сокращают отрыв от западных ученых в анализе французских первоисточников и постижении их исторического контекста. Китайские и западные подходы дополняют друг друга. Китайцы заинтересованы в том, чтобы с опорой на исторический материал продемонстрировать мировое влияние китайской культуры. Для западных исследователей эта цель не имеет практической актуальности. Однако содержание китайских публикаций о влиянии Китая на Кенэ является частью современных процессов взаимодействия культур. Они отражают не только представление о прошлом, но и восприятие будущего, в котором Китай надеется вновь обрести способность влиять на западные общественные науки.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Блауг М.** (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд. [**Blaug M.** (1994). *Economic theory in retrospect*. Moscow: Delo Ltd. (in Russian).]
- Ван Янань** (2011). Основы экономики Китая. Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ (на кит. яз.). [**Wang Yanan** (2011). *Zhongguo jingji yuanlun (On the origin of China's economy)*. Peking: Zhongguo da baike quanshu chubanshe (in Chinese).]

- Всемирная история экономической мысли. Т. 1. (1987). М.: Мысль. [*World history of economic thought*. Vol. 1. (1987). Moscow: Mysl' (in Russian).]
- Гиггс Г.** (1899). Физиократы. Французские экономисты XVIII века. С.-Петербург: Издание О.Н. Поповой. [**Higgs H.** (1899). *The Physiocrats. The French éconómistes of the eighteenth century*. St. Petersburg: O.N. Popova (in Russian).]
- Кенэ Ф.** (1896). Выбранные места. М.: Типо-лит. О.И. Лашкевич и Ко. [**Quesnay F.** (1896). *Selected works*. Moscow: Tipo-lithography of O.I. Lashkevich and Co. (in Russian).]
- Кенэ Ф.** (1960). Франсуа Кенэ. Избранные экономические сочинения. М.: Соцэкгиз. [**Quesnay F.** (1960). *François Quesnay. Selected economic works*. Moscow: Socekiz (in Russian).]
- Кенэ Ф.** (1981). Избранные экономические сочинения Кенэ. Пер. У Фэйдань, Чжан Цаожэнь. Пекин: Шаньгу иньшугуань (на кит. яз.). [**Quesnay F.** (1981). *Kuinai jingji zhuzuo xuanji (Selected economic works of Quesnay)*. Translated by Wu Feidan, Zhang Caoren. Peking: Shangwu yinshuguan (in Chinese).]
- Кенэ Ф.** (1992). Система деспотизма Китайской Империи. Пер. Тань Минь. Пекин: Шаньгу иньшугуань (на кит. яз.). [**Quesnay F.** (1992). *Zhonghua diguo de zhuanzhi zhidu (Despotism in China)*. Translated by Tan Min. Peking: Shangwu yinshuguan (in Chinese).]
- Ма Ли** (2017). Обсуждение стимулов к созданию «Китайского деспотизма» // *Фаго яньцзю*. № 4. С. 10–19 (на кит. яз.). [**Ma Li** (2017). *Shilun Zhonghua diguo de zhuanzhi zhidu zhi chuanguo dongji (Discussing the incentives to write Despotism in China)*. *Faguo yanjiu*, 4, 10–19 (in Chinese).]
- Маркс К.** (1961). Капитал. Критика политической экономии. Том второй. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат. Т. 24. [**Marx K.** (1961). *Capital: A critique of political economy*. Vol. 2. In: *K. Marx, F. Engels. Collected works*. 2nd ed. Vol. 24. Moscow: Gospolitizdat (in Russian).]
- Немчинов В.С.** (2008). «Экономическая таблица» Ф. Кенэ. В кн.: «Физиократы. Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур. Избранные экономические произведения». М.: Эксмо. С. 995–1018. [**Nemchinov V.S.** (2008). *Tableau Économique of F. Quesnay*. In: *Physiocrats. Quesnay F, Turgot A.R.J., du Pont de Nemours P.S. Selected economic works*. Moscow: Eksmo, 995–1018 (in Russian).]
- Онкен А.** (1908). История политической экономии до Адама Смита. М.: Тип. М.А. Александрова. [**Oncken A.** (1908). *History of political economy before Adam Smith*. Moscow: Typography of M.A. Aleksandrov (in Russian).]
- Рейхвейн А.** (1962). Культурные контакты Китая и Европы в XVIII в. Пер. Чжу Цзецинь. Пекин: Шаньгу иньшугуань (на кит. яз.). [**Reichwein A.** (1962). *Shi ba shiji Zhongguo yu Ouzhou wenhua de jiechu (China and Europe: Cultural contacts in the eighteenth century)*. Translated by Zhu Jieqin. Peking: Shangwu yinshuguan (in Chinese).]
- Роббинс Л.** (2013). История экономической мысли: лекции в Лондонской школе экономики. М.: Изд. Института Гайдара [**Robbins L.** (2013). *A history of economic thought. The LSE lectures*. Moscow: Gaidar Institute Press (in Russian).]

- Розенберг Д.И.** (1940). История политической экономии. М.: Государственное социально-экономическое издательство. [**Rosenberg D.I.** (1940). *History of political economy*. Moscow: State Socio-Economic Publishing House (in Russian).]
- Тан Цинцзэн** (2010). История китайской экономической мысли. Пекин: Шаньгу иньшугуань (на кит. яз.). [**Tang Qingzeng** (2010). *Zhongguo jingji sixiangshi (History of Chinese economic thought)*. Peking: Shangwu yinshuguan (in Chinese).]
- Тань Минь** (1992). Китайские источники учения французских физиократов. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ (на кит. яз.). [**Tan Min** (1992). *Faguo zhongnong xuepai xueshuo de Zhongguo yuanyuan (The Chinese origin of physiocratic economics)*. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe (in Chinese).]
- Тань Минь** (2015). Сборник извилистого пути. Шанхай: Шанхай цайцзин дасюэ чубаньшэ (на кит. яз.). [**Tan Min** (2015). *Qu jing ji. (Collection of winding path)*. Shanghai: Shanghai caijing daxue chubanshe (in Chinese).]
- У Баосань** (2003). Сочинения У Баосаня. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ (на кит. яз.). [**Wu Baosan** (2003). *Wu Baosan ji (Collected works of Wu Baosan)*. Peking: Zhongguo shehui kexue chubanshe (in Chinese).]
- Физиократы. Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур. Избранные экономические произведения (2008). М.: Эксмо. [*Physiocrats. Quesnay F., Turgot A.R.J., du Pont de Nemours P.S. Selected economic works* (2008). Moscow: Eksmo (in Russian).]
- Фишман О.Л.** (2003). Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение. [**Fishman O.L.** (2003). *China in Europe: Myth and reality (13th–18th centuries)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).]
- Чжу Цяньчжи** (1940). Влияние китайской мысли на европейскую культуру. Бэйпин: Шаньгу иньшугуань (на кит. яз.). [**Zhu Qianzhi** (1940). *Zhongguo sixiang duiyu Ouzhou wenhua zhi yingxiang (The influence of chinese thought on European culture)*. Beijing: Shangwu yinshuguan (in Chinese).]
- Чжу Цяньчжи** (2006). Влияние китайской философии на Европу. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ (на кит. яз.). [**Zhu Qianzhi** (2006). *Zhongguo zhexue dui Ouzhou de yingxiang (The influence of Chinese philosophy on Europe)*. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe (in Chinese).]
- Штейн В.М.** (1924). Развитие экономической мысли. Т. 1. Физиократы и классики. Ленинград: Сеятель 1924. [**Schtein V.M.** (1924). *Development of economic thought*. Vol. 1. Physiocrats and classics. Leningrad: Seyatel' (in Russian).]
- Шумпетер Й.** (2001). История экономического анализа. Т. 1. СПб.: Экономическая школа. [**Schumpeter J.A.** (2001). *History of economic analysis*. Vol. 1. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola (in Russian).]
- Юань Сяньнэн** (Wen Peh Yuen) (2013). The influence of Taoism and related philosophies on Chinese economic thought. In: *Yuan Xianneng zhushu wenji (Collected works of Yuan Xianneng)*. Vol. 1. Peking: Zhongguo shangwu chubanshe, 1–168.
- Baudeau N.** (2014). 1767 – Tome premier. Avertissement de l'auteur. In.: Herencia

- B. *Les Éphémérides du citoyen et les Nouvelles Éphémérides économiques 1765–1788. Documents et table complète*. Ferney-Voltaire: «Centre international d'étude du XVIIIe siècle», 265–271.
- Du Halde J.B.** (1735). *Description géographique, historique, chronologique, politique, et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise*. Tome second. Paris: Le Mercier.
- Einaudi L., Sauvy A., Salleron L.** (eds.) (1958). *François Quesnay et la physiocratie*. Vol. 1. Paris: Institut national d'études démographiques.
- Einaudi M.** (1938). *The Physiocratic doctrine of judicial control*. Cambridge: Harvard University Press.
- Gerlach C.** (2019). 無為 – On the Eurasian roots of the *laissez-faire* doctrine. *Man and the Economy*, 6 (2), 1–16.
- Higgs H.** (2001). *The Physiocrats: Six lectures on the French économistes of the eighteenth century*. Kitchener, Ontario: Batoche Books.
- Hudson G.F.** (1931). *Europe and China: A survey of their relation from the later times to 1800*. London: Arnold.
- Jacobsen S.G.** (2013). Physiocracy and the Chinese model. Enlightened lessons from China's political economy? In: Ma Ying, H.-M. Trautwein (eds.). *Thoughts on Economic development in China*. London: Routledge, 12–34.
- Jacobsen S.G.** (2019). Against the Chinese model: Debate on cultural facts and physiocratic epistemology. In: S. Reinert, S. Kaplan (eds.). *The economic turn: Recasting political economy in enlightenment Europe*. London: Anthem Press, 89–116.
- La Rochefoucauld F. de** (1675). *Réflexions ou sentences et maximes morales. Quatrième édition*. Paris: Chez Claude Barbin.
- Le Comte L.** (2013). *Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Chine*. Édition en format texte par P. Palpant. Available at: <https://www.chineancienne.fr>
- Linguet S.-N.-H.** (1771). *Réponses aux Docteurs modernes, ou Apologie pour l'Auteur de la Théorie des loix, et des Lettres sur cette théorie. Avec la réfutation du système des philosophes économistes*. Troisième partie.
- Ly Siou Y** (1936). *Les grands courants de la pensée économique chinoise dans l'Antiquité (du VIe au IIIe siècle avant J.-C.) et leur Influence sur la Doctrine physiocratique*. Paris: Jouve & Cie.
- Maverick L.A.** (1938). Chinese influence upon the Physiocrats. *Economic History*, III (13), 54–67.
- Maverick L.A.** (1940). The Chinese and the Physiocrats: A supplement. *The Economic Journal*, 50 (Supplement 1), 312–318.
- Maverick L.A.** (1946). *China a model for Europe*. Including a translation of *Le Despotisme de la Chine* by Francois Quesnay. San Antonio: Paul Anderson.
- Orain A.** (2015). Figures of mockery. The cultural disqualification of physiocracy (1760–1790). *The European Journal of the History of Economic Thought*, 22 (3), 383–419. DOI: 10.1080/09672567.2014.1003952
- Quesnay F.** (1888). *Œuvres économiques et philosophiques de F. Quesnay, fondateur du système physiocratique*. A. Oncken (ed.). Francfort: J. Baer, Paris: J. Peelman et Cie.
- Quesnay F.** (2005). *Œuvres économiques complètes et autres textes*. Ch. Théré, L. Charles, J.-C. Perrot (eds.). 2 vols. Paris: INED.
- Reichwein A.** (1925). *China and Europe: Intellectual and artistic contacts in the eighteenth*

century. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, Ltd., New York: Alfred A. Knopf.

- Rousselot de Surgy J.-Ph.** (1766). *Mélanges intéressants et curieux ou abrégé d'histoire naturelle, morale civile et politique de l'Asie, l'Afrique, l'Amérique, et des Terres polaires*. Tome I. Paris: Durand & al.
- Rousselot de Surgy J.-Ph.** (2013). *Mélanges intéressants et curieux*. La Chine. Édition en format texte par P. Palpant. Available at: <https://www.chineancienne.fr>
- Sabbagh G.** (2020). Quesnay's thought and influence through two related texts, *Droit naturel* and *Despotisme de la Chine*, and their editions. *History of European Ideas*, 46 (2), 131–156. DOI: 10.1080/01916599.2019.1677306
- Van den Berg R.** (2002). Contemporary responses to the *Tableau Économique*. In: S. Boehm, C. Gehrke, H.D. Kurz, R. Sturn (eds.). *Is there progress in economics? Knowledge, truth and the history of economic thought*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 295–316.
- Van den Berg R.** (2016). Chinese influences on the formation of classical political economy. Some critical reflections. *Paper presented at the 48th Annual UK History of Economic Thought Conference "Comparison of economic thought in China and Europe from a global perspective" at SUFE in Shanghai*, 5–44.
- Van den Berg R.** (2019). Chinese whispers. A critical examination of Chinese influence on 18th century French economic thought. *Paper presented at the Conference "Issues in the comparison of the histories of Chinese and European economic thought from Antiquity to the present" in Bad Homburg*.

Поступила в редакцию 23.02.2021

Received 23.02.2021

O.N. Borokh

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

China in Quesnay's doctrine: Interpretations, translations, cultural aspects

Abstract. The paper analyzes the Chinese influences on the doctrine of the French physiocrat François Quesnay from the perspective of the cultural specifics of the perception of economic and political ideas. The approaches of Chinese researchers were impacted by Marxist methodology, sinocentric views and fragmentary use of primary sources. The application of the Marxist concept of socio-economic formations supported the arguments that feudal Confucianism could not influence the views of physiocrats, which reflected the emergence of capitalist relations. In the 18th century opponents of the physiocrats used the comparison of the *Tableau Économique* with the scheme of the Chinese *Book of Changes* to disqualify Quesnay's doctrine. For Chinese researchers this comparison became a confirmation of the value of the *Tableau Économique* and an incentive to search for the ideas of circular flows and equilibrium in both tables. The study of *Despotism in China* content confirms its connection with the actual historical China. It is concluded that Chinese scholars seek to interpret the historical precedent of the influence of Confucian thought on Quesnay's doctrine in the context of plans to increase the global clout of China's social sciences.

Keywords: *French Physiocrats, Chinese influence, concept of social formation, "Despotism in China", "Tableau Économique", Quesnay.*

JEL Classification: A12, B11, B24, B31.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-7